

Международный бестселлер от автора «Ведьмы Вороньего леса»!

ДЖЕННИ КИР

БЁРИНГТОН-
СКВЕР, 23

Один дом. Три судьбы. Решение, которое их изменит.

Дженни Кир

Бёрлингтон-сквер, 23

Серия «The Big Book»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74200821

Бёрлингтон-сквер, 23: СПб; 2026

ISBN 978-5-389-34142-5

Аннотация

Лондон, 1927 год. Агнес, немолодая и небогатая дама, сдает комнаты в особняке, который получила по наследству. До некоторых пор все идет прекрасно; обитатели дома 23 на Бёрлингтон-сквер живут как одна семья. Но один из постояльцев внезапно умирает, и Агнес вынуждена срочно искать ему замену. Претендентов трое: респектабельный банковский служащий, застенчивая молодая вдова и бойкая юная племянница хозяйки. Кому же отдать предпочтение? Неверный выбор может обернуться скандалом или полной катастрофой... Пожилая дама и не предполагает, что ее решение станет судьбоносным сразу для нескольких человек, ведь между теми, кто поселился под крышей этого дома, существует загадочная связь. Кроме того, потенциальные квартиранты не совсем те, за кого себя выдают...

Дженни Кир в 2023 году вошла в шорт-лист премии британской Ассоциации писателей-романтиков в номинации «Исторический роман года». «Ведьма Вороньего леса» названа

в первой десятке книг «Что почитать этой осенью» – 2024 от Observer.

Впервые на русском!

Содержание

Пролог	7
1	7
2	19
Часть первая. Клара Гудвин	25
3	25
4	28
5	34
6	42
7. Фарфоровая кукла	46
8	48
9	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Дженни Кир

Бёрлингтон-сквер, 23

*Посвящается четырем моим дорогим
мальчикам, которые стали мужчинами и каждый
день дают мне повод для гордости*

Jenni Keer

NO. 23 BURLINGTON SQUARE

Copyright © Jenni Keer, 2023

© Е. Ю. Фокина, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУ-
КА», 2026

Издательство Азбука®

Пролог

1

Август 1927 года

Бёрлингтон-сквер, 23, Кенсингтон. Мерси не сразу смогла отыскать нужный адрес. Она плохо знала этот район Лондона, а величественные частные дома в георгианском стиле по обеим сторонам улицы почти не отличались друг от друга. К зеленой филенчатой двери вели пять широких каменных ступеней. Молодая женщина громко постучала латунным кольцом, служившим здесь дверным молотком, и покрепче сжала сумочку из крокодиловой кожи, которую много лет назад ей купила мать. Хотя сумочка давно уже вышла из моды, Мерси очень ею дорожила. У нее было мало краси-

вых вещей, а подарков ей не дарили уже очень давно. Все, кто по-настоящему любил Мерси, увы, умерли.

Входная дверь распахнулась, и на пороге показалась румяная и полная, почти квадратная, пожилая дама в переднике, повязанном на внушительной талии. Фартук выглядел самодельным – один из карманов в форме подковы находился чуть ниже другого – и, похоже, был перешит из старого летнего платья, усыпанного крошечными синими незабудками с ярко-желтыми сердцевинами.

– Миссис Мейвезер? – спросила толстуха.

Гостья кивнула, в нерешительности застыв на крыльце.

– А я Агнес Хамфрис, но можете называть меня просто Агнес. Заходите, дорогуша. Я как раз испекла фруктовый кекс. Любите сладкое? Вам не помешало бы немного поправиться, а то мяса на костях почти нет. – Дама неодобрительно поцокала языком. – Что нынче творится с молодыми девицами? И почему это, скажите на милость, в моду вошли скелеты в мешковатых платьях? Понятно же, что женщинам, чтобы рожать детишек, нужны крепкие широкие бедра и соответствующая грудь.

Мерси, которая и сама прекрасно знала, что отличается болезненной худобой, не любила, когда ей указывали на недостатки фигуры. Однако она все же шагнула в узкий темный коридор, тесный из-за нагромождения мебели. Слева стояла вешалка с зеркалом, вся забитая пальто и шарфами. На верхней полке ее красовался черный шелковый цилиндр.

– К вам пришел какой-то джентльмен? – насторожилась Мерси.

Дама, у которой она собиралась снять комнаты, проследила за ее взглядом:

– Ах, милочка, эта вещь лежит здесь уже тридцать восемь лет. Я все надеялась, что владелец однажды вернется за ней, но, очевидно, пора признать: этого не произойдет никогда.

Агнес Хамфрис тяжело вздохнула и двинулась дальше по коридору, не без труда маневрируя между резным комодом, заваленным всяческим хламом и одежными щетками, этажеркой с небрежно расставленными книгами и деревянным креслом с высокой спинкой, наполовину скрытым под грудой позабытой одежды. Эта женщина явно привыкла хранить не только старые цилиндры.

– Должна вас предупредить: я уже побеседовала с парой возможных постояльцев, ибо очень серьезно отношусь к вопросу о том, кто будет жить под моей крышей, – сказала Агнес через плечо. – Здесь, в доме номер двадцать три, мы все как одна большая семья.

Мерси проследовала за хозяйкой мимо лестницы в парадную гостиную, где, похоже, пытались навести порядок. Тем не менее все поверхности были заставлены. Чего здесь только не было: латунные микроскопы, стопки книг и фарфоровые безделушки. Викторианская мода заполнять дом множеством вещей, чтобы подчеркнуть достаток, давно уже сошла на нет, однако жилище Агнес Хамфрис напоминало капсулу

времени, сохранившую дух минувшего столетия.

Застекленный шкафчик за дверью украшало ярко-желтое чучело канарейки. Казалось, что птица внимательно изучала Мерси, когда та проходила мимо. Агнес рассеянно погладила мягкую головку чучела.

– У Санни был очень красивый голос. Он прожил у нас девять лет, и я так расстроилась, когда он умер, что папа велел сделать из него чучело. Видите ли, Санни принадлежал моей матери – мы потеряли ее, когда я была еще маленькой. Джентльмен, с которым я беседовала утром, приятно меня удивил: он знает, как по-латыни называются канарейки, и еще кучу всего о птицах.

Хозяйка указала госте, куда сесть. Надеюсь, что незнание орнитологии не станет для нее минусом, молодая женщина стиснула сумочку из крокодиловой кожи и опустилась на бугристый диван. Она держалась чересчур прямо, чтобы чувствовать себя удобно, и слишком нервничала, чтобы улыбнуться.

– Мы до сих пор в шоке от внезапной смерти мистера Блэндфорда, – поведала пожилая дама. – Особенно старый мистер Горски, который очень любил их совместные чаепития и партии в криббедж.

– Он скончался у вас в доме?

– Да, но не беспокойтесь, комнаты тщательно вымыли и все продезинфицировали. Гилберт, молодой человек, который снимает мансарду, помог мне сжечь постельные принад-

лежности усопшего. Причиной смерти мистера Блэндфорда стало заражение крови: просто загноившийся порез, ничего заразного. Мы все ужасно по нему скучаем, но, если Господь счел нужным забрать его, нам не следует роптать и ставить под сомнение Божий промысел.

«Интересно, а в чем заключается этот самый Божий промысел применительно ко мне?» – подумала Мерси. Жизнь не баловала ее чудесами. Молодая женщина искренне надеялась, что если в жестокости таится некий смысл, то Господь вскоре его прояснит. Возможно, визит Мерси на Бёрлингтон-сквер был частью божественного замысла, предполагавшего, что она еще способна изменить чью-то жизнь к лучшему. Именно в это она по глупости однажды поверила, поддавшись внушению.

– Желаете чая? – Агнес кивнула на большой квадратный деревянный поднос на столе, заранее приготовленный для гостыи.

Изящные бледно-розовые чашки с блюдцами были усыпаны мелкими цветочками, напоминавшими конфетти, но Мерси заметила, что сахарница и одно блюдце не подходили к сервизу.

– Да, благодарю вас.

Пока пожилая дама разливала чай, продолжая говорить, в комнату вошел облезлый черный кот с оторванным ухом. Он с громким утробным урчанием потерся о ноги хозяйки, запрыгнул на диван, принялся к незнакомке и свернулся

рядом с ней клубочком.

— Итак... — Агнес хлопнула себя по бедрам и поставила перед гостьей чашку с подходящим блюдцем. — Наверху, в мансарде, живет молодой Гилберт. Очень услужливый парень, хотя и немного замкнутый. Зато не шумит и платит вовремя. Вечно возится со своим ящиком-фотоаппаратом и стеклянными фотопластинками, предпочитает темные углы. Немного смахивает на вампира — цвет лица у него соответствующий.

Мерси обратила внимание, что ее собеседница привыкла выражаться прямо, но при этом беззлобно. Она сообщала подробности, о которых другие из вежливости предпочли бы промолчать.

— Комнаты, которые вы пришли посмотреть, находятся на третьем этаже. Туда ведет множество ступенек, поэтому хорошо, что у вас молодые ноги. На втором этаже живет мистер Горски. Его скрутил артрит, но в свое время старик был всемирно известным пианистом. Увы, пальцы его больше не слушаются — зрелище воистину душераздирающее. Раньше он находил утешение в граммофоне: закрывал глаза и водил руками в воздухе, словно бы дирижировал оркестром. Но вот уже несколько недель я не слышу музыки, и это меня тревожит. Мистер Блэндфорд иногда сидел с ним, слушал пластинки. «Признаться, я ничего не понимаю в музыке, — говорил он, бывало, — но старик Горски доволен, так почему бы и не доставить человеку радость». Он был такой добрый.

Агнес откинулась в кресле, и Мерси кивнула, хотя слишком нервничала, чтобы вникать во все детали беседы.

— На первом этаже живу я, а подвал снимает семья Смит — люди довольно милые, вот только дети у них порой шумят. К счастью, мистера Горски они не беспокоят, к тому же у них отдельный вход с улицы. — Хозяйка на мгновение замолчала, видимо осознав, что не дала гостье произнести ни слова. — Но довольно уже о нашем маленьком доме. Расскажите немного о себе.

Она выжидающе посмотрела на Мерси, сунула руку в карман передника, вытащила маленькую записную книжку, раскрыла ее, достала из корешка черный лакированный карандаш и облизнула его кончик, приготовившись писать.

Потенциальная квартирантка молчала.

— Вы сообщили в письме, что у вас есть постоянная работа и имеются солидные рекомендации, — напомнила ей Агнес.

Мерси поерзала, скрестила худые щиколотки, а потом снова развела их, стараясь выиграть время и обдумать ответ. Когда тебе есть что скрывать, все внимание уходит на то, чтобы не выдать себя каким-нибудь неосторожным словом, поэтому она решила держаться как можно ближе к правде. Так будет проще.

— Мм... ну да, — сказала она. — Я работаю в «Пембертоне», в отделе перчаток.

Крупный универмаг в центре Лондона, с которым мог соперничать разве что «Селфридж», знали все.

– Могу представить рекомендации от них, правда я работаю там совсем недавно... А еще от миссис Доннингтон, жены школьного учителя, которая знает меня всю жизнь.

Молодая женщина достала два кремовых конверта. Рекомендательные письма сообщали правду: Мерси действительно была чистоплотной и аккуратной. Однако миссис Доннингтон указала ложный адрес – дом своей сестры в Шропшире. Мерси умоляла не упоминать крошечную деревушку в Суффолке, чтобы никто не мог ее выследить и отправить туда, откуда она сбежала.

– А где вы сейчас остановились?

– Ну... э-э-э... у тети. Она очень добра и гостеприимна, но мне необходимы собственные комнаты.

Никакой тети у Мерси не было. По крайней мере, живой. Ее нынешнее жилье было временным и находилось в довольно-таки неблагополучном районе города.

– Как же все изменилось, – вздохнула Агнес. – Девушки теперь могут снимать комнаты и трудиться, а ведь в мои годы работа в магазине считалась не вполне приличным занятием. Женщины в те времена обычно сидели дома или устраивались прислужой, пока не выходили замуж. Если, конечно, не принадлежали к такому кругу, где работать не требовалось. Тогда они целыми днями вышивали носовые платочки в ожидании, когда богатый жених постучится в дверь, умоляя составить его счастье.

В глазах пожилой дамы промелькнула тень грусти, и Мер-

си задумалась: не было ли у той в прошлом сердечных разочарований? В объявлении она именовала себя «мисс Хамфрис», а обручального кольца не носила. Возможно, Агнес потеряла любимого? Мерси прониклась к хозяйке сочувствием, ведь она и сама пережила утрату. Молодая женщина покрутила на пальце тонкое золотое колечко, размышляя о том, что война – жестокая и страшная вещь, которая разлучает влюбленных. Порой навсегда.

– Моя сестра удачно вышла замуж, но я нечасто с ней вижу, – продолжала между тем Агнес. – Она единственная моя близкая родственница... ну, есть еще племянница. Милая девочка, хотя и ветреная. Водится с золотой молодежью, старается не отставать. Бегаёт без корсета, танцует под джаз, носит стрижку «шингл» и готова сказать что угодно, лишь бы шокировать публику. Но, впрочем, добрая.

Агнес задумалась, и Мерси решила, что та вспоминает о своенравной племяннице.

– Ох, недаром говорят: «Кровь родная – не водица»... – Пожилая дама на миг оперлась подбородком о костяшки пухлых пальцев. – Расскажите теперь немного о своей семье, миссис Мейвезер.

– Пожалуйста, зовите меня просто Мерси. – Чужая фамилия и статус замужней женщины смущали ее, хотя и давали своего рода защиту. Одинокой девушке пришлось бы в Лондоне гораздо труднее. – Мои родители... Отец умер незадолго до моей свадьбы, а матушку у меня отняла эпидемия гриппа.

па. Ну а муж... – Она с трудом сглотнула. – Супруга я потеряла на войне, так что теперь я совсем одна.

– Ах, бедное дитя. Как много девушек пострадало в войну вместе с вами! Ведь сотни тысяч мужчин сгинули на чужбине. Но вы же слишком юная, чтобы вдовствовать почти десять лет! – У Агнес задрожала нижняя губа, и гостья подумала, что та, должно быть, очень впечатлительная особа, если ее так тронула судьба незнакомки.

– Я рано вышла замуж, – пояснила Мерси.

Даже слишком рано. Однако после смерти отца Роланд все же дал ей защиту, в которой она нуждалась, а мать с облегчением передала ферму в надежные руки.

– Какие красивые чашки. – Мерси приподняла свою, стремясь сменить тему беседы.

Агнес залилась румянцем:

– Это мамины. Дафна, моя сестра, считает, что хранить сувениры и всякие безделушки глупо. Называет меня сентиментальной. Но я все равно не могу расстаться с воспоминаниями.

– В этом нет ничего дурного. Капелька ностальгии – дело хорошее. Иногда понимаешь, что прошлое и впрямь было лучше, – слабо улыбнулась Мерси. – И книги у вас такие чудесные. Я часто мечтала, чтобы у меня появилось время на чтение. Хотела погрузиться с головой в какой-нибудь роман, отправиться в дальние страны и пережить удивительные приключения.

– Вот-вот. Я и сама пересекла дюжину морей и побывала в сотнях городов, не покидая удобной комнаты. Правда, благодаря не романам, а путевым дневникам. – Хозяйка нахмурилась: – Но уж полчаса в день, чтобы свернуться калачиком с книгой, всегда можно найти, разве нет?

– Моя свекровь была очень... требовательной, – покачала головой Мерси.

Любопытный взгляд Агнес заставил ее усомниться: не сболтнула ли она лишнего? Но пожилая дама опустила глаза в блокнот и вернулась к делу:

– Перейдем к условиям проживания. Никаких кавалеров. Входная дверь запирается в десять вечера. Отхожее место – на заднем дворе. Вода проведена на второй этаж, там есть общая ванная. Мистер Горски пользуется ею в первую очередь, но обычно занимает ванну ближе к полудню – полагаю, к этому времени вы уже будете на работе. Я могу также предложить вам завтрак и ужин, но за отдельную плату, как и стирку. Хотя, по правде говоря, не хочется брать на себя лишний труд, я и так едва справляюсь – ноги уже не те. На самом деле мне бы очень пригодилась еще одна пара рук...

– Мне требуется только жилье, благодарю вас.

Мерси и на аренду-то едва могла наскрести. Какие уж тут излишества? Ей было важно поселиться в приличном районе. Одну квартиру она уже посмотрела вчера: там царила полнейшая антисанитария, да к тому же муж хозяйки с явным вожделением пялился на молодую девушку.

Внезапно ее осенила мысль.

– Но я бы с радостью взяла на себя часть вашей работы по дому, если вы решите сдать комнаты мне. Ведь я всегда буду рядом.

– Прекрасная идея! Пожалуй, в таком случае я могла бы снизить вам плату на пару шиллингов... Ах, дорогуша, как же трудно выбрать нового жильца. Все трое претендентов по-своему хороши. Постояльцы для меня словно родные, мы все тут как одна семья, поэтому выбирать нужно с умом. Хотя вы еще не видели комнаты. Вдруг вас смутят две лестницы и легкая сырость на задней стене...

Но сердце подсказывало Мерси, что лучшего жилья ей не найти. Было очевидно, что Агнес Хамфрис – женщина добрая и отзывчивая, а дом на Бёрлингтон-сквер великолепно выглядел в сиянии лета и – самое главное – находился в сотне миль от Суффолка и всего того, от чего Мерси сбежала.

Закрыв дверь за робкой молодой леди, Агнес тяжело вздохнула. Ну почему мистер Блэндфорд так внезапно скончался? В доме сложилось просто идеальное сообщество жильцов. Молодой Гилберт в мансарде, чудаковатый и нелюдิมый, всегда вовремя платил за аренду и безропотно выполнял любые мелкие поручения. Может, удастся уговорить его отложить на денек свои дурацкие фотографии и лотки с гадкими химикатами, чтобы послушать болтовню мистера Горски? Она и сама – как, впрочем, любой, кому перевалило за пятьдесят, – имела склонность оглядываться назад: вспоминать хорошие времена и сетовать на плохие, тогда как молодежь смотрела вперед в ожидании светлого будущего. В этом и заключался секрет удачного соседства – оптимизм юности дополняла мудрость старости. Даже Джемайма из подвала, чья жизнь состояла из бесконечной стирки пеленок, готовки и уборки, постоянно заводила с жильцами оживленные беседы, подогреваемые твердой уверенностью ее мужа в грядущей социальной революции.

Сердце Агнес разрывалось оттого, что дом номер 23 перестал быть семейным гнездом. Ее отец был уважаемым коммерсантом, располагавшим портфелем инвестиций и стабильным доходом, но последние годы жизни старика омрачила болезнь, несколько помутившая его острый ум. Под-

давшись уговорам, мистер Хамфрис вложился в сомнительные предприятия, в результате чего финансовое благополучие семьи было подорвано. После смерти отца Агнес получила в наследство дом на Бёрлингтон-сквер, но оказалась почти без средств, поэтому ей пришлось экономить, чтобы остаться здесь. Отчасти нужда в деньгах, а отчасти сочувствие к людям, страдавшим от послевоенного дефицита жилья, подсказали ей мысль сдавать комнаты. Она не могла расстаться с домом, полным воспоминаний, и переехать в место поскромнее, поэтому выбрала компромиссный вариант. Сначала Агнес пустила жильцов только в подвал, где имелся отдельный вход, однако со временем ей пришлось установить двери на втором и третьем этажах, а также в мансарде, чтобы сдавать помещения в аренду. И все шло прекрасно, пока бедный мистер Блэндфорд не пал жертвой заражения крови. Подумать только: вечером он ушел в паб «Безумный Шляпник», чтобы выпить там и повеселиться с друзьями, а уже к ночи его не стало. Стремительность, с которой смерть унесла этого милого человека, обескураживала.

Теперь, после беседы с тремя самыми перспективными претендентами, Агнес Хамфрис предстояло принять решение и выбрать нового постояльца.

Пожилая дама прошла в гостиную и тяжело вздохнула: жаль, что она не обладает мудростью царя Соломона. Хотя куда ей до легендарного царя. Гилберт постоянно упрекал Агнес за излишнюю доверчивость, особенно когда на по-

роге появлялись коммивояжеры, предлагая товары, в которых она вроде бы не испытывала нужды, однако вскоре позволяла пронырливым торговцам убедить себя в обратном... И все же выбор, кому отдать комнаты, казался ей не менее судьбоносным, чем Соломоново решение о ребенке. Ах, если бы можно было рассечь этого метафорического младенца надвое... вернее, разделить на троих.

Клара как-никак была ее родной племянницей, а это просто так со счетов не сбросишь.

– Тетя Агги, ну почему ты не сказала, что у тебя освободились комнаты? – воскликнула она, театрально чмокнув тетюшку в щеку.

Девушка рухнула в кресло с высокой спинкой и вытянула длинные, ну прямо бесконечные ноги. Агнес едва сдержалась, чтобы не цокнуть языком при виде возмутительно короткого подола.

– Мамочка просто горит желанием, чтобы я перебралась сюда, а папочка ведет себя ужасно неразумно. Жить на чемаданах до жути утомительно, но мне нужен город. Сельская жизнь невероятно скучна, а в Лондоне есть все: культура, ночная жизнь и свобода. Ах да, еще коктейли. Папочка, бедняга, наверное, думает, что хайбол – это название игры в мяч.

Правда открылась, когда на следующий день Агнес получила письмо от сестры: Кларау выставили из дома, и теперь она обитала неизвестно где и ночевала на кушетке бог

весть у кого. К сожалению, Дафна – впрочем, как и всегда, – изъяснялась на редкость уклончиво. Она лишь намекнула на некий любовный скандал и сообщила, что ее муж, годами терпевший неприемлемое поведение своенравной дочери, наконец не выдержал.

Агнес, любившая Клару всем сердцем, знала, что с племянницей хлопот не оберешься, и подозревала, что мистер Горски придет в ужас, если молодая особа начнет принимать кавалеров в комнатах наверху, не говоря уж о том, чтобы выставлять напоказ голые икры и расхаживать, словно кинозвезда, к чему Клара имела явную склонность. И потом, если предоставить девушке отдельные комнаты, не подстегнет ли это ее тягу к удовольствиям? Агнес сомневалась, что способна усмирить взбалмошную племянницу, что бы там ни думала сестра. Выбор между интересами семьи и спокойствием в доме был до крайности непростым.

Еще одним претендентом был Стивен Томпсон. Достаточно зрелый, чтобы оставить юношеские порывы в прошлом, он откликнулся на объявление в то же утро, когда его опубликовали в газете. Мистер Томпсон выглядел как истинный джентльмен: белая рубашка, полосатый галстук, жилет и пиджак в тон. Агнес, однако, заметила, что манжеты рубашки слегка обтрепались, а обувь нуждалась в чистке, но это, наверное, объяснялось отсутствием в его жизни женщины. Он работал в солидной банке, где занимал вполне приличную должность. Такой постоялец вряд ли доставит много хлопот.

Даже его манера носить шляпу подсказывала Агнес, что мистер Томпсон станет украшением дома на Бёрлингтон-сквер.

— Как вам, без сомнения, известно, превыше всего у банковских служащих ценится порядочность, — подчеркнул он. — При поступлении на работу мы обязаны предоставить поручительство в форме залогового обязательства. Для учреждения, которое не может позволить себе даже намек на скандал или обман, безупречная репутация крайне важна.

Все знали, что работа в банке хорошо оплачивается и что всех кандидатов там проверяют самым тщательным образом. Даже Дафна наверняка одобрила бы такого жильца, хотя обычно ей не угодишь.

Вежливые расспросы мистера Томпсона о соседях тоже были добрым знаком. Мистер Горски вызвал у него особый интерес. Потенциальный жилец заверил Агнес, что является страстным поклонником классической музыки, хотя не обладает нужным образованием и сам никогда не играл ни на одном инструменте. По словам мистера Томпсона, любовь к музыке была у него в крови. Вероятно, размышляла Агнес, он станет достойной заменой мистеру Блэндфорду и согласится проводить с престарелым соседом часть досуга. Быть может, даже примет участие в воскресных чаепитиях. Эх, жаль, она не спросила, умеет ли он играть в криббедж.

Однако — разве можно обойтись без «однако»? — сердце хозяйки больше лежало к двум другим претенденткам, пусть и по разным причинам. Невзирая на все недостатки Кла-

ры, Агнес нравился ее живой характер. Та жила так, как сама Агнес мечтала бы жить, имей она для этого храбрость. А к робкой и хрупкой Мерси, которая пришла последней, Агнес прониклась сочувствием, испытывая стойкое желание защитить бедняжку. В глубине души она была уверена: молодая вдова от чего-то бежала. Несчастливая осталась в этом мире совсем одна. Кто же заступится за нее, если не Агнес? Сердце пожилой леди тянулось к обеим, тогда как мистер Томпсон, на удивление, не вызывал ничего, кроме равнодушия. Банковский клерк был самым разумным выбором, но подходил ли он для дома на Бёрлингтон-сквер?

Мисс Хамфрис провела беспокойную ночь, то и дело меняя свое мнение. Кого же из троицы выбрать? Она прекрасно понимала, что это простое, в общем-то, решение способно изменить судьбы нескольких людей. Три уникальные кандидатуры. Три совершенно разных пути, по которым могла пойти жизнь обитателей дома. Агнес обдумывала свой выбор вместе с котом Инки, пока готовила утром завтрак, а затем наконец определилась.

Переваливаясь с боку на бок, она спустилась в гостиную, откинула крышку маленького бюро из орехового дерева и вынула лист кремовой бумаги, чтобы приступить к составлению письма...

Часть первая. Клара Гудвин

3

Пятница, 5 августа 1927 года

Агнес обмакнула перо в оловянную чернильницу отца и начала писать:

Дорогая Клара!

Если тебе нужны комнаты – они твои. Как я могу отказать любимой племяннице? В твоих жилах – так же, как и в моих, – течет кровь Томаса Хамфриса, которая навеки нас связывает. Я всегда ценила семью превыше всего, и мысль о том, что ты будешь жить в этом доме, наполняет меня радостью. С Бёрлингтон-сквер у меня связаны самые теплые воспоминания, и

я надеюсь, что мы с тобой поладим...

Агнес замерла, услышав, как Гилберт спускается по лестнице со своим складным фотоаппаратом, обтянутым черной кожей: интересно, что он собрался снимать? Она не понимала, чем постоялец зарабатывает на жизнь. Семейные портреты вряд ли приносили большой доход, однако молодой человек явно не испытывал недостатка в деньгах. Размышляя об остальных жильцах, Агнес тревожилась: привычки Клары, если их не обуздать, нарушат сложившийся в доме порядок. Позднее она собиралась написать застенчивой вдове и посоветовать той пансион миссис Джонсон, что находился неподалеку, в паре кварталов от Бёрлингтон-сквер. Помощь по хозяйству пришлась бы весьма кстати, но ведь и Клара вполне может разносить подносы по этажам. Все равно эта девица ничем толком не занимается. В сущности, именно этого и хотела Дафна – чтобы старшая сестра присмотрела за племянницей и, возможно, приучила ее к ответственности.

– Гилберт, – окликнула фотографа Агнес, – не будете ли вы так любезны опустить мое письмо в почтовый ящик?

Молодой человек появился в дверях и кивнул.

– Обождите буквально минуту, я сейчас закончу.

Она вновь обмакнула перо в чернила и дописала:

Уверена, что нет нужды напоминать тебе о правилах проживания в моем доме, но все же уточню: никаких кавалеров, а входная дверь запирается ровно в десять вечера.

С нетерпением жду твоего приезда.

Целую.

Тетя Агнес

На самом деле она была абсолютно уверена, что напомнить Кларе о правилах необходимо, и отчаянно надеялась, что не ошиблась с выбором постоялицы.

Вчерашняя египетская вечеринка удалась на славу. Правда, Клара выпила слишком много шампанского, и теперь пульсирующая боль в висках напоминала ей, что за каждым взлетом неизбежно следует падение. Столицу охватила мода на Древний Египет, и вечер напоминал калейдоскоп из страусиных перьев, бинтов, украшений со скарабеями и тканей с иероглифами.

Джек снова поцеловал ее, как она и предвидела. Весь вечер он буквально пожирал Клару глазами, густо подведенными сурьмой, а Невилл, выбравшийся из деревянного саркофага, бросал такие же жадные взгляды на Джека сквозь щель между бинтами, которыми искусно обмотал голову. Очевидно, двое вызывающе мускулистых юношей в набедренных повязках, которых Невилл нанял, чтобы внести саркофаг в зал, ему категорически не понравились, хотя домой он в итоге ушел с одним из них.

Отец очень рассердился, узнав, что Клара проводит время с Невиллом Бригденом. Он давно подозревал в этом юноше пагубные наклонности. Впоследствии юрист, работавший на оба семейства, подтвердил эти опасения, нарушив профессиональную этику. В надежде избежать скандала вроде того, что разразился вокруг лорда Артура Сомерсета, Оскара Уайльда и им подобных, Бригдены уже не раз прибегали

к услугам этого адвоката, когда их единственный сын оказывался в щекотливых ситуациях, грозивших неприятностями с законом. Реджинальд Гудвин строго-настрого запретил дочери водиться с людьми подобного сорта, однако Клара и ухом не повела. Ей нравился Невилл, который не позволял себе вольностей, разговаривал с девушкой на серьезные темы и с искренним интересом выслушивал ее ответы. А вот Джек Ригби, в отличие от него, был озабочен только одним, и беспечное поведение Клары давало ему надежду добиться своего.

Она дотащила чемодан до верхней ступеньки и постучала в дверь. Живот крутило: вчерашний ужин, состоявший из алкоголя, приправленного горстью соленого арахиса, рвался наружу. Клара решила, что табак успокоит желудок, достала из сумочки маленький серебряный портсигар и зажала сигарету губами.

Слава богу, что у нее есть тетя Агги. И мамочка. Та, конечно, возмутилась, узнав, в какую грязную историю вляпалась дочурка, однако же проявила заботу – причем как нельзя кстати, потому что Клара, признаться, уже всерьез отчаялась. Отец в гневе выставил негодницу из дома, опасаясь, что слухи о ее позоре – в подлинной версии, отличной от той, каковую он поведал приятелям в клубе, – просочатся наружу. Клара поселилась у своей приятельницы Лили Харкорт, однако спустя несколько недель той надоело каждое утро лицезреть подругу, растянувшуюся на ее диване после очеред-

ного ночного кутежа. Так что Кларе пришлось искать жилье. Ох, будь неладен этот Филипп: из-за того, что он доводился королеве Марии дальним родственником – седьмая вода на киселе, но все же, – никак нельзя было допустить, чтобы репортеры пронюхали, чем занималась полураздетая Клара в гостевой спальне родительского дома.

– Клара, душенька!

– Тетя Агги, дорогая!

Девушка выдернула изо рта сигарету, зажав ее ухоженными пальцами, послала тетушке воздушный поцелуй и вошла в коридор, оставив на верхней ступеньке лестницы два светло-кремовых чемодана из свиной кожи и такую же коробку для шляпы.

– Не кури в доме, милая. Запах въедается в ткань, – донесся в парадную гостиную певучий голос тетушки, когда гостья плюхнулась на потрепанный диван.

Боже, этот продавленный уродец стоял тут дольше, чем Клара себя помнила. Бугристый и безобразный, он раздражал ее еще в детстве: бывало, свернешься калачиком и понимаешь, что, как ни устройся, все равно неудобно.

– Ты ела? – Запыхавшаяся пожилая дама появилась в дверях и поставила чемоданы на пол. – Могу поджарить тебе яичницу. Милая, ты выглядишь болезненно худой. Ни дать ни взять жалкий усохший Тутанхамон, с которого сняли бинты.

«Очаровательно, – подумала Клара, вспомнив привычку

тетушки говорить все, что взбредет на ум. – Наверное, в следующий раз стоит намазаться коричневой ваксой для обуви и явиться на вечеринку в образе мумии. Это произведет фурор похлеще того спектакля, который устроил Невилл».

– Спасибо, я не голодна. – Девушка покачала головой. притронуться к твердой пище она пока не могла.

– Дафна сказала, что ты решила сменить обстановку, – осторожно заметила тетя Агги. – Я так обрадовалась, что ты поживешь у меня. Часто вспоминаю те давние времена, когда этот дом был нашим семейным гнездом.

– Тебе повезло: попались замечательные родители, которые тебя обожали. А вот меня мама с папой не любят, – вздохнула Клара. – Терпят, не более того.

Внезапно жизнь показалась ей невыносимой. Она затушила сигарету в маленькой пепельнице-ракушке на столике рядом с диваном и горько разрыдалась.

– Ох, дорогуша, в жизни не поверю, что это правда. – Тетушка поковыляла к племяннице, уселась на широкий подлокотник и прижала ее к груди. – Ничто и никто не стоят твоих драгоценных слез, – заметила она, глядя Клару по голове. – К тому же ты ведь не хочешь испортить такой... своеобразный макияж, не так ли?

Они просидели вместе несколько минут, пока Клара изливала чувства, копившиеся в душе неделями, а тетя безмолвно впитывала их, как пестрая губка.

Наконец племянница отстранилась, посмотрела в участ-

ливые глаза пожилой дамы и спросила:

– И как только ты справляешься? Как можно жить одной, когда некому разделить с тобой беды, унять поцелуем слезы и сказать, что ты особенная и любимая?

Клара была уверена, что ей самой суждено превратиться в одинокую старую деву, хотя она твердо решила пополнить ряды бойких старушек, которые говорят, что думают, носят неподобающую возрасту одежду и пьют как сапожники. Девушка не сомневалась, что этот вариант предпочтительнее, чем брак без любви.

– Можно подумать, что у меня есть выбор.

Все знали, что тетя Агги никогда не была замужем, хотя мамочка говорила, что когда-то у старшей сестры был по крайней мере один солидный жених, но ей пришлось много лет ухаживать за престарелым отцом, Клариным дедушкой. А когда тот умер, тетушка, увы, уже вышла из брачного возраста. К тому же, по мнению девушки, тетя Агги вовсе не была красавицей, в отличие от ее собственной матери. Зато при всей своей прямолинейности она умела слушать и, пожалуй, была наименее эгоистичным человеком из всех, кого Клара знала. Агнес славилась искренностью и честностью – а именно этого ее племянница не получала от родителей. Способна ли Клара ответить тете откровенным признанием? Вот в чем на самом деле заключался вопрос.

– Ну что за глупости? – Агнес осторожно провела пухлым пальцем по мокрым щекам племянницы. – Я всегда считала

тебя сильной, Клара.

– Никакая я не сильная. Я потерянная, одинокая и ужасно напуганная.

– Что может тревожить девушку вроде тебя в столь юные годы?

На мгновение Клара задумалась: не поделиться ли своими бедами с тетушкой Агги? Но взгляд зацепился за золотые буквы на корешке большого кожаного издания «Библии короля Якова» на верхней полке книжного шкафа. Она тут же вспомнила, что пожилая дама является ревностной христианкой. Нет, тетушка не поймет племянницу. Да еще непременно выпалит, что Господь осудит ее и сочтет недостойной. Этого Клара вынести не могла.

Сожалея, что дала тете повод для беспокойства, она решила, что как-нибудь справится в одиночку. Что ж, ей не привыкать.

Ранним утром следующего дня Клару разбудил настойчивый сигнал автомобильного клаксона. Накануне она проспала до вечера, а потом снова отправилась веселиться до глубокой ночи. После столь необходимой дневной сиесты девушка умудрилась случайно обидеть тетю, оставив нетронутым поднос с заботливо приготовленным ужином и отказавшись от предложенной чашки чая. Бокал алкогольного коктейля под названием «Французский 75» подошел бы куда лучше, но Агнес явно не умела смешивать коктейли. Клара заявила, что едет в «Розовую туфельку» вместе с Невиллом – там уж она точно выпьет свой любимый напиток и от души потанцует, на время забыв о собственных бедах.

Тетя расстроилась из-за того, что племянница умчалась развлекаться в первый же вечер, однако пожелала ей хорошо провести время и помахала вслед автомобилю. Вероятно, она пожалела о своих словах, когда в два часа ночи Клара, забывшая ключ, принялась громко барабанить в парадную дверь, игнорируя установленный хозяйкой дома комендантский час, а затем, покачиваясь, поднялась к себе, держась за перила и во все горло распевая «Прощай, черный дрозд».

Клаксон прозвучал снова, и Клара натянула одеяло на голову. В комнате пахло мужчиной – дешевым лосьоном после бритья и бриллиантином, а устаревший интерьер раздра-

жал глаз. Как же она тосковала по предупредительной домашней прислуге, привычному уюту, сервису хорошего отеля или хотя бы по мягким изгибам дивана Лили. Ей совсем не хотелось жить на Бёрлингтон-сквер, но выбирать не приходилось: никаких иных мест, где можно было бы приклонить свою изящную черноволосую головку с гладкой стрижкой «шингл», уже не осталось. По крайней мере, тетя Агги жила в правильной части Лондона, которая, безусловно, находилась куда ближе к ночной жизни, чем Хартфордшир.

Раздался резкий стук в дверь.

– Вас кто-то ждет на улице, – послышался голос невидимого мужчины.

– Ох...

Бип-бип!

Стук повторился – настойчивее и громче.

– Ладно, не горячись.

Клара нехотя сползла с кровати, пригладила растрепанные волосы и поплотнее запахнула розовый атласный халат. Выйдя в гостиную, она поморщилась при виде полупустой бутылки шампанского возле брошенных на полу туфель и побрела по выцветшему восточному ковру, голубому с золотым узором.

За порогом стоял молодой человек с серьезными, глубоко посаженными глазами. Темные брови сдвинуты к переносице, кожа бледная, словно солнце ей незнакомо.

«Гилберт», – догадалась Клара.

– Немедленно разберитесь с наглым выскочкой в красном «моррис-оксфорде», который всех разбудил, – приказным тоном заявил он.

– Здравствуй, милый, и тебе тоже доброе утро, – съязвила Клара, проплывая мимо соседа и направляясь к лестнице.

Красный «моррис-оксфорд» принадлежал Джеку, а видеть его сейчас девушке совсем не хотелось – особенно если учесть, что именно из-за него она накануне покинула вечеринку раньше, чем собиралась.

– Имейте в виду, мисс Гудвин: я слежу за вами. Не смейте злоупотреблять отзывчивостью Агнес только потому, что она – добрая душа и ваша родственница.

Да, это был Гилберт. Его слова неприятно задели Клару, напомнив ей отца, вечно читавшего нотации в духе «измени свои привычки или убирайся из моего дома». А в последний раз он тоже кричал дочери, что она, дескать, избалованная, неблагодарная и беззастенчиво пользуется людьми.

– Не собираюсь терпеть нравоучения от какого-то подозрительного типа, который постоянно запирается на чердаке и никому не рассказывает, чем он там занимается, – парировала Клара.

Хотя за последние годы она время от времени навещала тетюшку, однако жильца из мансарды видела только мельком. Агнес утверждала, что он вроде бы фотограф, но работ своих никогда не показывает, и это настораживало.

Клара спустилась на два пролета вниз и встретила тетюш-

ку.

– Ах, милая... – нахмурилась та. – Ты в одном пеньюаре?

Пожилая дама открыла входную дверь. Яркий солнечный свет хлынул в прямоугольный проем, вызвав у Клары приступ головной боли. Девушка невольно зажмурилась.

– Клара, дорогая! – раздался голос Джека, чей силуэт за-слонил ослепительное сияние, дав ее глазам короткую передышку. – Выглядишь просто великолепно. Что бы только не отдал мужчина, лишь бы поутру просыпаться рядом с таким небесным созданием! Почему же ты упорхнула так рано, моя соловушка? – Он шагнул в коридор и с обожанием посмотрел на нее. – В три вечеринка только началась. Митци объявила, что вручит бутылку игристого тому, кто принесет самую безумную шляпу, и мы рванули по Пикадилли на старом драндулете. Победил Невилл, который явился в полицейском шлеме. Вот умора! Я доставил Лили домой – позавтракать копченой рыбой и кофе, и она попросила меня отвезти твои вещи по пути в мою маленькую квартирку.

«Маленькая квартирка» Джека насчитывала четыре спальни, но все познается в сравнении. Особенно если твои родители владеют половиной графства Сомерсет.

Клара грозно сверкнула глазами, и он поспешно опустил взгляд, пробормотав:

– Лили заранее все упаковала. Не мог же я ей отказать.

– Так вы, значит, еще и не ложились спать? – Агнес, стоявшая в коридоре, в изумлении распахнула глаза.

– Всему свое время, милая леди, всему свое время. Не беспокойтесь, я сомкну свои усталые глазки чуть позже, ведь к вечеру мне нужны силы: Митци хочет побывать в новом клубе на Карнаби-стрит. Клара, старушка, не угостишь ли приятеля чашкой утренней бурды перед тем, как я двину дальше? – попросил Джек. – Башка просто раскалывается, черт бы ее побрал.

– Приглашать в гости мужчин запрещается, – напомнила Агнес, и Клара впервые искренне порадовалась этому правилу.

– Ты вполне справишься и без чая, Джеки. Ты ведь крепкий парень. Просто брось мои вещи в холле, а их потом отнесут в комнаты.

Она развернулась, чтобы подняться наверх, но тут ей навстречу торопливо спустился Гилберт со складным фотоаппаратом «Кодак» в руках. Клара посторонилась, пропуская соседа. Раздраженная из-за его недавних упреков, девушка не удержалась от колкости:

– К друзьям собрался? Да еще днем? Тебе понадобится лопата.

– Нехорошо так говорить, милая, – укорила тетя, – только потому что у Гилберта нет друзей и вид как у покойника.

Джек опять показался в дверях – на этот раз с охапкой цветастых вещей Клары, которые он положил у порога. Будто нарочно – словно в коридоре и без того было недостаточно тесно – рядом с незванным гостем появилась новая фигура.

К собранию присоединился какой-то мужчина средних лет в опрятном, но слегка старомодном костюме. Сняв котелок, он обнажил виски, на которых серебрились седые пряди.

– О, мистер Томпсон! – воскликнула Агнес. – Вы разве не получили мое письмо?

– Что? Ах да, получил. Я просто проходил мимо и отважился заглянуть, чтобы сказать: если с новым жильцом вдруг возникнут проблемы, я все еще заинтересован в комнатах. Из вашего письма я понял, что долг призывает вас сдать комнаты кому-то из родственников, с которым хлопот не оберешься. Вот я и подумал: если подобное положение дел окажется временным, возможно, вы примете решение в мою пользу.

Клара замерла на лестнице и бросила на тетушку вопросительный взгляд. Та залилась густым румянцем.

Девушка легко пробежала вниз по ступеням и протянула посетителю ухоженную руку. Ярко-вишневый лак «Кутекс» на ее ногтях был последним писком моды, совершенно неприемлемым, по мнению отца.

– Клара Гудвин. Та самая родственница, от которой много хлопот.

Томпсон взял ее руку, явно не зная, что с ней делать, и откашлялся:

– Ах... да. Конечно. Очень рад знакомству.

– Полагаю, вы преувеличиваете, мистер Томпсон, на самом деле я выразилась не совсем так, – поспешно проговори-

ла Агнес. — Но семейные связи и впрямь очень важны. Наша Клара немного упряма, как, впрочем, и все современные девушки. Мне ужасно жаль, что пришлось вам отказать, правда. Уверена, вы были бы замечательным жильцом...

Тетушка щебетала без умолку, даже не догадываясь, что, чем больше ты извиняешься, тем более виноватым выглядишь. Однако Клару ее речи несколько не задевали. Она знала, что доставляет окружающим хлопоты, и почти наслаждалась этим. В этом-то и заключалась проблема: скука толкала к излишествам и безрассудным поступкам.

Мистер Томпсон вежливо кивал, а Клара тем временем изучала его лицо.

— ...Вы показались мне таким обаятельным. И неважно, что вы всего лишь простой банковский служащий, хотя многие ваши ровесники уже управляющие... — Агнес была в своем репертуаре.

Когда тетушка наконец ненадолго замолчала, Клара, воспользовавшись паузой, спросила:

— Мы, кажется, виделись раньше, не так ли?

— Это вряд ли. — Мистер Томпсон встревоженно нахмурился.

— Ну как же, я вас знаю. Вы живете в папином поместье. Точнее, жили там, когда я была маленькой.

— Вы дочь Реджинальда Гудвина? — Его лоб прорезала озадаченная морщинка. — Боже правый, в последний раз я видел вас, когда вам было лет двенадцать. И вы — племянница

мисс Хамфрис? Ну и ну, вот так совпадение!

На его лице мелькнуло довольно странное выражение, удивившее Клару. Казалось, мистер Томпсон внезапно узнал, что лошадь, на которую он поставил все свои сбережения, упала, пытаясь взять первый же барьер. Его плечи бесильно опустились; он вытащил из жилета карманные часы и бросил на них беглый взгляд:

– Ох, надо же, сколько уже времени. Простите, мне пора.

С этими словами он развернулся к двери и едва не врезался в Джека, вернувшегося с очередной охапкой вещей, поверх которой была наброшена шубка из лисьего меха, загораживавшая ему обзор. Клара пожала плечами и выкинула странного визитера из головы. И без него забот хватает.

Через неделю Митци ухитрилась раздобыть приглашения на вечеринку в Белгравии. Ходили слухи, что там может появиться одна из сестер Митфорд¹. Вечеринка снова оказалась костюмированной, и Клара заподозрила, что изящество окончательно уступило место абсурду. Гости должны были явиться в нарядах, связанных с детством. Невилл грозился приехать в подгузнике верхом на игрушечной лошадке на колесиках. Клара повязала на голову огромный желтый бант и, одолжив у Лили старомодное довоенное платье, подколола юбку булавками, задрав подол скандально высоко. Теперь ей оставалось только подобрать детские игрушки, чтобы завершить образ.

«Как можно жить среди этого хлама?» – размышляла Клара, роясь в стоявшем на первом этаже комоде, заполненном вещами, которых хватило бы на несколько поколений. Тетушка Агги никогда ничего не выбрасывала и наверняка хранила что-нибудь подходящее для вечеринки. Джек обещал заехать в десять, и Клара не успевала собраться. Она даже не задумалась, что вновь уйдет в тот час, до которого тетя

¹ *Сестры Митфорд* – шесть известных английских аристократок первой половины XX в., дочери 2-го барона Редесдейла, ставшие культурным феноменом британского общества благодаря ярким характерам, скандальным взглядам и связям. – *Здесь и далее примеч. перев.*

настоятельно просила ее возвращаться домой. На то, чтобы заколоть дурацкое платье, ушло куда больше времени, чем девушка рассчитывала. Джек должен был появиться с минуты на минуту. Наконец ее старания увенчались успехом. Открыв высокий викторианский шкаф, парный к тому, что стоял в спальне Агнес, Клара обнаружила на верхней полке небольшую коллекцию игрушек, в том числе и кукол, смотревших на нее сверху вниз.

Она схватила древнюю фарфоровую куклу в платье бутылочно-зеленого цвета и волчок, который помнила еще с детства. Поцокала языком при виде открытой бархатной шкапулки с драгоценностями – ну что за беспечность, честное слово: кто угодно может зайти сюда и прикарманить сокровища! – и вернулась в узкий коридор. Может, именно так Гилберт и добывал деньги? Заметила бы тетя Агги пропажу?

Раздался бодрый стук в парадную дверь, и Клара открыла Джеку, который раздобыл нечто похожее на школьную форму: полосатый блейзер и короткие штанишки в тон. Следовало признать, что этот мужчина с высокими скулами, тонкими усиками и небрежной улыбкой был настоящим красавцем. Когда Клара взглянула в его радостное лицо, ее охватило необъяснимое волнение. Разумеется, о любви нет и речи, однако Джек все же был очень милым, хотя его откровенное обожание и тяготило Клару.

– Поехали, дорогой, – промурлыкала она. Из уст девушки, одетой, как семилетняя девочка, эта реплика прозвучала

странно. — Этот дом подобен выжженной солнцем пустыне, а я знаю, что бокал игристого моментально поднимет мне настроение.

В конце темного коридора появилась Агнес; ее седые кудри были убраны под сеточку, а светлый халат ниспадал до самого пола. Джек заметил ее краем глаза и вздрогнул.

— Господи! Я принял старушку за привидение, — пробормотал он. — Разгуливает среди ночи... Напугала меня до смерти.

— Это мой дом, и не следует ничего брать без спросу, — напомнила Агнес, приближаясь. — Зачем тебе леди Уинифред, Клара? Оставь ее в покое.

— Да это же всего лишь кукла, тетя, — закатила глаза Клара. — Я верну ее завтра.

— Нет! Я категорически возражаю. Она ни при каких обстоятельствах не должна покидать дом. И мне крайне неприятно, что ты рылась в моих вещах без разрешения. Многие из них очень мне дороги. К тому же я, кажется, ясно дала понять, что все жильцы должны быть дома к десяти. Я запираю двери на ночь, чтобы не опасаться за свою собственность и твою добродетель.

— Тогда увидимся утром. Вполне вероятно, что мы будем танцевать до рассвета. На таких вечеринках веселье обычно начинается не раньше полуночи.

Заметив потрясение, отразившееся на лице Агнес, Джек попытался успокоить пожилую леди:

– Не волнуйтесь, мисс Хамфрис, я не подпущу к вашей племяннице посторонних. Всю ночь не отойду от нее ни на шаг.

– Меня волнуют вовсе не посторонние. – Агнес одарила молодого человека выразительным взглядом и вновь повернулась к Кларе. – Ты не можешь разгуливать по ночам где вздумается. Так ведут себя не благовоспитанные девушки, а развратницы.

Клара опять закатила глаза, водрузила леди Уинифред на маленький столик в прихожей и выскользнула за порог.

7. Фарфоровая кукла

У любимой куклы Агнес было бледное личико. Ее кожа казалась белой, словно бумага. Ярко-голубые глаза сияли на тончайшем немецком фарфоре в обрамлении блестящего шлема керамических волос. Увы, их нельзя было расчесывать, но зато они всегда выглядели безупречно.

Куклу подарили Агнес на шестой день рождения, и она провела множество послеобеденных часов, наливая в изящные чашечки воображаемый чай для своей утонченной подруги леди Уинифред, обсуждая, какое пирожное попробовать первым, или переминая косточки прислуге: бедняжка Энн так и не научилась разводить огонь в камине, а Полли не умеет правильно месить тесто. К одиннадцати годам Агнес привыкла доверять леди Уинифред все свои секреты и советоваться с ней по любому поводу. Знает ли та, почему мама так устает? Чего ждать, если родится братик или сестренка? Когда младшая сестра действительно появилась на свет и стало ясно, что мама опасно больна, Агнес подолгу шепталась с подругой, ища у той поддержки, после того как на ночь задували свечу. Сапфировые глаза куклы лучились мудростью и пониманием. Уинифред была взрослой женщиной с узкой талией, широкими бедрами и длинными ногами из набивной ткани. Она прожила долгую и полную приключений жизнь, пройдя, несомненно, через множество испытаний. А

ее хозяйка была всего лишь маленькой девочкой.

Когда мать Агнес умерла, Уинифред усадили на шкаф. Ее маленькие кожаные ботиночки свисали с края под странным углом. Подпертая шляпной коробкой кукла могла наблюдать за хозяйкой издалека. Беспечные детские игры остались в прошлом, потому что теперь у Агнес Хамфрис появилось множество дел. Несмотря на нежный двенадцатилетний возраст, на нее внезапно свалилось множество взрослых обязанностей. Она заменила сестренке мать, которой та лишилась спустя пять дней после рождения. Ни времени, ни желания возиться с куклами у Агнес больше не было. Единственная игра, которую она могла себе позволить в последующие двадцать лет, представляла череду отчаянных попыток достойно исполнить роль матери для Дафны.

После полудня Клара, закутавшись в просторный шелковый пеньюар, с трудом спустилась вниз в поисках чая и сочувствия. В ее комнатах имелась маленькая газовая плитка, но Клара была не из числа домашних хозяйшек. Раз уж тетя готовит для Гилберта и мистера Горски, лишняя порция у нее, несомненно, найдется. Агнес явно любила заботиться о ближних, хотя никогда не была замужем и не имела детей. Какая жалость: она бы наверняка преуспела в роли жены и матери. Бывают же люди, созданные для того, чтобы делать других счастливыми.

Девушка села за сосновый стол, и к ней скользнула дымящаяся кружка чая. Похоже, рассчитывать на большее не приходилось. Сочувствием здесь даже не пахло, скорее, наоборот, хотя Кларе, мучимой адской головной болью, меньше всего хотелось выслушивать упреки за ночное веселье.

– Твой образ жизни никуда не годится, юная леди, – заявила тетя, избегая смотреть ей в глаза. – Ты валяешься в постели до полудня, а потом встаешь и обращаешься с окружающими, как с прислугой. Помощи от тебя не дождешься, чужие чувства тебя не волнуют. Ты совсем не пытаешься приносить пользу.

Кухню наполняли восхитительные ароматы свежей выпечки, но Клара понимала: пройдет немало времени, прежде

чем ее желудок сможет принять что-то твердое.

– Ох, как же мне плохо! Голова просто раскалывается, – простонала она.

– Ну а чего ты ждала, девочка моя? Я и сама не прочь пропустить стаканчик, но, по-моему, глупо напиваться, чтобы потом страдать. – Агнес некоторое время помолчала. Но в конце концов великодушные взяли верх, и она предложила: – Давай смешаю тебе пару сырых яиц с каплей вустерского соуса. Мистер Блэндфорд клялся, что это помогает.

– Я бы предпочла «Кровавую Мэри».

– Клара! Что за ужасные вещи ты говоришь?

– Это название коктейля, – пояснила она.

Тетя достала из высокого шкафа у дальней стены бутылку, а из корзинки на подоконнике два яйца. Приготовление снадобья заняло считанные секунды.

– Выпей чай, постарайся проглотить это, а потом сбегай наверх и переоденься. К твоему возвращению я приготовлю поднос с чаем и выпечкой для мистера Горски.

Не дожидаясь ответа, Агнес подвинула племяннице стакан с отвратительным на вид средством от похмелья и занялась куда более аппетитным фруктовым кексом, румянившимся в духовке.

– Войдите, – распорядился из комнаты дрожащий мужской голос.

Клара открыла дверь и увидела в противоположном углу

старика, сидевшего в глубоком кожаном кресле с подголовником и подлокотниками. Над его ушами торчали пушистые белые космы, сливавшиеся с густой бородой, однако на макушке при этом волос почти не осталось. По обе стороны от крупного прямого носа сверкали маленькие глазки, напоминавшие небесно-голубые кристаллы. Лицо умного человека, отметила Клара, быстро убедившись, что яркие бусинки видят ее насквозь. Судя по живому и подвижному взгляду старика, мозг его работал куда быстрее, чем изношенное тело, в котором он был заключен.

Клара знала, что мистер Горски живет на втором этаже, но пока что не уделяла ему особого внимания. Она не умела обращаться с немощными стариками: они требовали времени и терпения – первого у Клары имелось в избытке, а вот второго не было вовсе. Но тетя, приютившая девушку по доброте душевной, передвигалась по дому с явным трудом, поэтому Клара, тяжело вздохнув, подошла к старику и поставила поднос на маленький столик перед ним.

– Александр Горски, – представился он, протягивая гостю искривленную руку.

Ладонь была не раскрыта, а пальцы – растопырены под странным углом, напоминая очертания сломанного птичьего крыла. Тетя Агги говорила, что это из-за артрита. Клара уставилась на искаленную болезнью руку, испытывая неловкость.

– Пожалуйста, присядьте и составьте старику компанию.

Вы ведь Клара? – «Р» звучало раскатисто, и акцент выдавал иностранное происхождение постояльца.

Опустившись в соседнее кресло, девушка сообразила, что пялится на старика самым бесцеремонным образом, и тут же превратилась в другую Клару – обворожительную, соблазнительную и насквозь фальшивую. Так было проще скрыть настоящую Клару, уязвимую и испуганную.

– Чрезвычайно приятно с вами познакомиться, – пропела она. – И да, я именно та непутевая племянница, на которую, уверена, тетушка уже успела пожаловаться.

Старик слегка приподнял брови, но ничего не сказал.

– Мои родители много лет назад были на вашем концерте в Вене, когда путешествовали по Европе, – добавила девушка.

Они и впрямь упоминали, что еще до войны слушали, как Александр Горски исполняет Бетховена, и, по словам разборчивого отца Клары, играл пианист просто превосходно. Когда старик переехал на Бёрлингтон-сквер, мамочка утешалась мыслью, что сестра, нуждавшаяся в квартирантах, хотя бы пускает под свою крышу «правильных людей».

– Ах, то было время, когда руки еще меня слушались и моя жизнь имела смысл, хвала Господу. В музыке есть нечто духовное, вы не находите?

– Скорее чувственное, чем духовное. Думаю, музыка создана, чтобы под нее двигаться, а не сидеть смирно в кресле. Впрочем, подозреваю, что мои пристрастия разительно от-

личаются от ваших. Мне ближе джаз: визгливые звуки трубы, гул контрабаса, вибрации, пронизывающие тело. Это дает невероятный заряд бодрости, особенно когда я танцую. Почти как секс, – добавила она дерзко.

– Милая девочка, если вы пытаетесь меня шокировать, – сказал мистер Горски, наклоняясь вперед, чтобы рассмотреть кекс, – боюсь, вам придется постараться сильнее. Я хоть и стар, но слишком хорошо понимаю, что такое чувственность. Легкое дыхание женщины на коже; сладкий аромат, витающий в воздухе после того, как двое соединились телами; неукротимый жар, поднимающийся внутри, когда рядом та, кого жаждешь, но не можешь коснуться... Разумеется, музыка может быть чувственной. – Он на миг закрыл глаза, погрузившись в воспоминания. – «Послеполуденный отдых фавна» Дебюсси, например... Я ведь был на премьере балета в одна тысяча девятьсот двенадцатом году, – хмыкнул старик, открывая глаза и глядя прямо на собеседницу. – Джентльмен рядом со мной освистал постановку, но скульптор Роден – вы о нем слышали? – аплодировал стоя. Финал был невероятно эротичен.

К удивлению Клары, ее лицо залилось краской. Это с ней случалось крайне редко. Старик протянул руку и мягко похлопал девушку по колену.

– Я могу выиграть в любую игру на ваш выбор, милая, потому что дольше живу на свете и уже все повидал. Ах, каждое новое поколение думает, будто первым открыло плотские ра-

дости, но это не так. Ваши современные танцы дарят освобождение, короткие юбки символизируют эмансипацию, но, умоляю, соблюдайте осторожность. Мужчинам грозит меньше последствий, и это нередко ведет к излишней беспечности. – Мистер Горски замолчал, потянулся к увесистой кружке чая на подносе и уставился на Клару, словно бы в поисках ответа на тревоживший его душу вопрос. – Чаще всего страдают именно женщины.

Он дрожащей рукой поднес кружку к губам, и ярко-голубые бусинки глаз на миг потускнели.

– Право, не стоит обо мне беспокоиться, – заверила его Клара. – Я пользуюсь небывалыми привилегиями и наслаждаюсь каждым мгновением жизни: каруселью вечеринок и танцев, веселых компаний и лучших друзей. – Она подарила старику загадочную улыбку, словно бы подтверждая свои слова.

– А ваша тетя сказала, что отец в гневе выставил вас из дома. Могу предположить, что все не так радужно, как вы рисуете. Особенно если верить очаровательной мисс Хамфрис, которая утверждает, будто вы наслаждаетесь гедонизмом, не принося никому пользы – и, прежде всего, себе самой.

Честное слово, тетушка Агги не сумела бы сохранить секрет, даже если бы его спрятали в подземном сейфе, а ключ передали кому-то другому.

– Может быть, вы сбились с пути?

– Простите?

– Ведь именно тогда мы начинаем вести себя дурно, не так ли? Когда превращаемся в искаженную версию самих себя, лишь бы скрыть боль и разочарование.

– Понятия не имею, о чем вы говорите, – небрежно отмахнулась Клара. – Папа просто не понимает, что после войны жизнь изменилась, только и всего. Разве не ради этого столько молодых мужчин жертвовали собой в далеких землях? Чтобы мы были свободны от гнета и осуждения?

– Они умирали за мир, в котором больше не будет войн. И, полагаю, добились этого. Но они также погибали ради того, чтобы мы жили в согласии, пользовались равными правами и чтобы каждый человек мог процветать. Простите, если это прозвучит излишне резко, но они умирали вовсе не для того, чтобы избалованные юнцы беспечно расхаживали по земле, не замечая суровых реалий вокруг себя.

– Вы считаете меня избалованной?

– Думаю, вам мало дела до вашей тети и людей, живущих в этом доме: возвращаетесь под утро, хлопаете дверями, шумите. Ожидаете, что Агнес будет прыгать вокруг вас.

– Значит, тетушка уже пожаловалась?

– Мисс Хамфрис говорит то, что думает, не опасаясь ранить чужие чувства. И мне это даже нравится. Если захотите услышать откровенное мнение, обратитесь к своей тете. – Мистер Горски сделал паузу, оценивающе посмотрев на Клару. – Если, конечно, у вас хватит смелости выслушать честный ответ.

Девушка в недоумении уставилась на излишне прямолинейного старика: зачем нападать на нее лишь потому, что его собственная жизнь не удалась?

– Самое печальное, что вы напоминаете бабочку: порхаете от цветка к цветку, привлекаете взгляды, но проку от вас никакого. А ведь вы могли бы стать пчелкой – собирать нектар и дарить мед. Моим медом была музыка. С ее помощью я обогащал жизнь других. Музыка служила для меня спасением, помогая отвлечься от боли из-за того, что мне не суждено было иметь.

Клара поднялась, не желая слушать упреки пугающе проныцательного старика, однако слова мистера Горски заделли ее за живое. Вдруг ей и правда нужна отдушина: какое-нибудь дело или увлечение, которому можно отдаться без остатка. Ведь она вряд ли когда-нибудь сможет получить то, о чем мечтает в глубине души.

Несмотря на отповедь мистера Горски, Клара не изменила свое поведение. Спустя неделю, полную очередных пьяных выходов, ее поймали с поличным, когда она пыталась провести в свои комнаты Невилла. Понимала или нет тетя Агги, что с этим молодым человеком добродетели племянницы ничего не угрожало, было уже неважно. Клару вызвали на кухню для серьезного разговора, и Агнес с беспощадной прямолинейностью заявила:

– Я понимаю, что времена изменились, пусть я и не успеваю меняться вместе с ними. Если ты хочешь пуститься во все тяжкие – это твое дело, но вести себя так под крышей моего дома недопустимо. Я признаю, что каждый человек имеет право сам распоряжаться собственной жизнью, однако сильно сомневаюсь, что подобный выбор сделает тебя счастливой.

Вероятно, тетушка предварительно побеседовала с мистером Горски. Клара легко могла представить, как они вдвоем неодобрительно цокают языками, обсуждая молодежь.

– Давай поговорим откровенно, Клара. Чем объяснить твоё безрассудное поведение?

Девушка в ответ лишь покачала головой, опасаясь брякнуть что-нибудь не то и выдать себя. Она разрывалась между желанием довериться любимой тетушке и боязнью подверг-

нуться ее осуждению.

– Ты сетуешь, что чувствуешь себя потерянной и одинокой, но я постоянно вижу тебя в окружении друзей. Быть одинокой в толпе – это очень печально. Если уж нарушаешь правила, то делай это потому, что неповиновение приносит тебе радость, а не потому, что не знаешь, чем еще заняться.

– Я стараюсь быть полезной, – напомнила ей Клара. – Я же ношу ужины мистеру Горски.

Правда, проницательность старика откровенно ее пугала, и после первого памятного визита девушка больше не задерживалась в его комнатах. Ей совсем не хотелось слушать о собственных недостатках.

– Ты появляешься у него и исчезаешь в мгновение ока. Не помешало бы уделить мистеру Горски немного времени. Он так одинок после смерти мистера Блэндфорда. К тому же ты доставляешь мне больше хлопот, чем оказываешь помощи. Когда я вчера утром меняла постель в твоей комнате, то обнаружила на прикроватном коврик пятно от лака для ногтей. Ты прикладывалась к бренди, которое я храню на случай болезни, таскала из кухни еду в неподобающее время и оставляла грязную посуду, чтобы я ее помыла. У меня нет прислуги, чтобы убирать за тобой, Клара. Ты никогда не найдешь мужа, если не научишься прилично себя вести.

– Поиск супруга никогда не был моей целью, – заявила Клара, разглядывая блестящие ногти – причину появления злополучного пятна на коврик – и подумывая, не сменить

ли цвет.

«Из-за чего, интересно, тетушка так разнервничалась?»

– Только не оставайся старой девой, как я. Такой судьбы я никому не пожелаю. Мы – женщины, которые никому не нужны. Нас учили, как быть женами и матерями. Если ни с браком, ни с детьми не складывается, мы остаемся без средств к существованию, проводим большую часть жизни в одиночестве и отчаянно пытаемся свести концы с концами: я вот, например, вынуждена сдавать комнаты. Говорят, незамужние дамы могут только преподавать, играть на сцене или торговать своим телом... – Агнес загибала пальцы, перечисляя доступные варианты. – Подумай хорошенько, возможно, ничего другого тебе не светит, если отец лишит тебя всякой поддержки.

– Карьера актрисы – перспектива довольно заманчивая, – лукаво улыбнулась Клара и задрала подбородок к потолку, словно бы взгляды зрителей уже устремились на нее.

В глубине души она понимала, что тетя права. Клару по-прежнему безмерно раздражало то, что она родилась женщиной, чьи возможности были существенно ограничены.

– Не будь такой легкомысленной. Ну подумай, что с тобой станет без защиты и денег отца? – Агнес помешала содержимое алюминиевой кастрюльки и полосатой вязаной прихваткой ловко сняла с плиты чайник, едва лишь тот засвистел.

– Я всегда сама о себе заботилась, тетя Агги. Мне не нужен мужчина, чтобы меня защищать, будь то отец или муж. И не

горюй, что не вышла замуж. Зато никто тебе не указывает, что носить, что думать или за кого голосовать.

Клару слегка раздражало, что женщины ее возраста до сих пор не имели права голоса², но у нее не было ни сил, ни желания бороться с этой несправедливостью. По иронии судьбы ее отец был политиком.

Агнес покачала головой, выключила газ и соскребла яичницу-болтунью на тонкий тост, намазанный маслом.

– Я благодарна судьбе за то, что мы с тобой такие разные, Клара, ведь мир держится на разнообразии. Но удел старой девы – это одиночество. Как ты справедливо заметила, у меня нет ни советчика, ни компаньона на вечер. И в постели рядом со мной тоже никого нет.

– Ну, тетя, – кокетливо сказала Клара, – утоление плотских желаний еще не повод для брака.

Щеки Агнес вспыхнули, сравнившись цветом со стоявшими на столе банками с недавно замаринованной свеклой.

– Ты огорчаешь меня при каждом удобном случае, юная леди. Я люблю тебя и многое тебе прощаю, но даже Гилберт упрекает меня за излишнюю мягкость. Я начинаю подозревать, что найдутся другие, более достойные квартиранты, которые будут уважать этот дом и тех, кто в нем живет. Если твое поведение не изменится, я попрошу тебя уйти... По-

² В 1918 г. британский парламент принял *Акт о народном представительстве*, который предоставил право голоса женщинам в возрасте старше 30 лет, если они соответствовали имущественному или образовательному цензу. В 1928 г. возрастной ценз для женщин был снижен до 21 года.

смотри на меня, Клара. Я говорю серьезно.

Клара на миг опешила. Как и предполагал Гилберт, она считала, что слабохарактерная тетя будет безропотно сносить ее выходки. Но, похоже, ошибалась. Мало ей нравоучений мистера Горски. Так еще этот мрачный тип из мансарды встречается со своим мнением, которое никого не волнует! Девушка знала, что порой ведет себя эгоистично, но окружающие вовсе не были ей безразличны – особенно любимая тетушка Агги. Мысль о том, что эта добрейшая женщина подумывает выставить ее за дверь, отрезвила Клару.

– Значит, ты больше прислушиваешься к дряхлому поляку и придурку с чердака, чем к собственной племяннице? – выпалила она. Клара понимала, что несправедлива, но иначе выплескивать злость не умела.

– Ты слишком жестока к молодому Гилберту. Хватит придирааться к парню.

Девушка в ответ надула губы.

– Может, он и не умеет вести себя в обществе, но у него доброе сердце, – продолжала Агнес. – Гилберт подарил маленькой Эллен Смит ее первую пару обуви – нарядные красные туфельки, когда я упомянула, что у их семьи туго с деньгами. Да, у мальчика есть свои странности – вегетарианство и излишняя замкнутость, но мне почему-то хочется его защищать, хотя он вечно куда-то спешит и чрезвычайно скрытен.

– Вот именно, – кивнула Клара. – Этому типу наверняка есть что скрывать. Попомни мои слова: Гилберт не тот, за

кого себя выдает. Ты понятия не имеешь, что он делает со своим фотоаппаратом. Подумай сама: почему Гилберт так часто пропадает по ночам? Не удивлюсь, если твой любимый квартирант снимает полуголых женщин и продает их фотографии в сомнительные журналы. — Она многозначительно повела бровями.

— Клара! Нельзя огульно обвинять человека, строя заведомо ложные домыслы! — воскликнула тетя, однако в глазах ее мелькнуло легкое беспокойство: очевидно, она даже не задумывалась о подобном. — К тому же, по моему опыту, те, чья жизнь вроде бы вся на виду, тоже имеют свои секреты.

Агнес впилась в племянницу пронизательным взглядом, и та неловко заерзала на стуле. Тетя налила кипяток в маленький заварочный чайник на подносе для завтрака, накрыла его вязаным чехлом, поставила рядом увесистую кружку с чайной ложкой и отступила, любуясь результатом.

— Тебе нужен кто-нибудь, кого ты полюбишь, Клара. Потому что любовь учит нас думать прежде всего о других. Когда у тебя появится обожаемый муж или ребенок, ты с радостью пойдешь ради них на жертвы, ведь их нужды и желания станут важнее твоих собственных. Я, к примеру, нисколько не жалею о жертвах, принесенных ради отца.

Отношения Клары с родителями всегда были непростыми, но она любила их обоих и грустила из-за ссоры с отцом. Девушка прекрасно осознавала: той близости, что связывала тетушку Агги с ее отцом, им никогда не достичь, но, воз-

можно, папа успел остыть после вспышки гнева и понял, что излишне погорячился. Пожалуй, пора проверить, как обстоят дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.